

Лит. 1930-1991 - 11 дек 1991 - с. 11

Юрий ЛОТМАН

225 ЛЕТ назад — 1 (12) декабря 1766 года — родился Николай Михайлович Карамзин — писатель, поэт, журналист, историк. О Карамзине можно было бы писать как о создателе новой русской прозы, поэте, чью реформаторскую смелость отмечал Пушкин, и каждый из этих расхожих был бы справедливым и более чем достаточно обосновывал бы внимание наших современников.

Имя Карамзина связывается в сознании современного читателя с той маской, которую писатель не без снобизма надевал на себя в молодости, одновременно превратив ее в своего литературного двойника. Простодушные читатели принимали это порождение художественного творчества за реальный жизненный портрет автора. Ничто так не устойчиво, как простодушное невежество. Литературная маска, как в известной сказке, заслонила лицо Карамзина. В «Письмах русского путешественника» Карамзин создавал образ бесечного, не очень глубокого, поверхностного вояжера, и тень эта преследовала его до конца жизни. Уже восемь томов «Истории государства Российского» — плод гигантского труда — были завершены, а молодой Пушкин, возможно, еще не успев прочесть эту книгу, приветствовал ее эпиграммой:

«Послушайте: я сказку вам начну
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород и Царство Золотое,
А может быть, про Грозного царя...»
— И, бабушка, затеяла пустое!
Дончичи нам «Илью-богатыря».

Карамзин смолodu любил надевать маски, менять лица. А был он, в сущности, труженик в литературе и честный человек в жизни. Всю жизнь он уклонялся от проторенных путей. Достигнув на каком-либо поприще победы, момента, когда уже можно было спокойно наслаждаться заслуженной славой, он резко менял поприще и появлялся перед читателем в новой роли.

Дворянин небогатого рода, но принадлежавший семье, традиционно гордившейся образованием и независимостью, Карамзин свои первые шаги начал на проторенной дорожке — офицером в привилегированном гвардейском полку. Затем последовал первый резкий поворот — неожиданный выход в отставку. Вспомним, что во время суда над Новиковым императрица раздраженно поинтересовалась, почему отставку Новикова как доказательство его негодности. Выход Карамзина в отставку также был демонстративным поступком. В «Послании к женщинам» Карамзин так объяснял свою отставку:

...в войне добра не видя,
В чиновных гордечах чины возненавидя,
Вложил свой меч в ножны
(«Россия, торжествуй, —
Сказал я, — без меня!»)...
и, вместо острой шпаги,
Взял в руки лист бумаги...

Карамзин, нарушая сословную традицию, сделался профессиональным литератором, человеком, для которого перо стало не забавой дилетанта, а инструментом профессионала. Но заработок не стал целью. Целью была пропаганда просвещения. В обществе масонов недавний светский щеголь сделался суровым моралистом, стремящимся «познать самого себя». Но на пути к «высшим тайнам» — резкий поворот: разрыв и путешествие в Европу. Карамзинские были небогаты, и длительное путешествие потребовало почти разорительных для писателя расходов. Это не остановило его.

Тютчев писал:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!

Карамзин полностью постиг это блаженство. Позже в «Письмах русского путешественника» он описал свое странствие, но вместе с тем многое скрыл. Ему пришлось обойти подробности длительного пребывания в охваченном революцией Париже и знакомство с многими из выдающихся политических деятелей этих дней. Он прибыл в Россию с твердым намерением стать реформатором. Его программа укладывалась в рамки европеизации и коренных реформ русской культуры. С умением, неожиданным для начинающего литератора, он организовал первый в России литературный журнал. Организуя издания, ему приходилось одновременно создавать новый тип читателя. Карамзин создавал журнал, который ориентировался на читателя. Но это был читатель, которого одновременно создавал Карамзин. И в этом особенно проявился его гений журналиста и просветителя. Журнал оборвался под давлением цензуры — Карамзин создал новую литературную форму: альманахи. Все дальнейшие русские альманахи — «Северные цветы» Дельвига, «Полярная звезда» Рыльева и Бестужева, «Мнемозина» Кюхельбекера — были литературными потомками «Аглаи» Карамзина. Плодотворность позиции Карамзина проявлялась, в частности, в том, что среди продолжателей он имел гораздо больше почитателей, чем эпигонов.

Цензурный гнет сделал издание литературного журнала практически невозможным. И здесь Карамзин проявил себя как гений журналистики. Он начал издавать «Пантеон иностранной словесности» — журнал, относительно которого он объявил, что в нем не будут печататься оригинальные произведения. Только переводы античных и западных писателей будут развлекать и просвещать «пре-нумерантов» издания. На самом деле Карамзин, умело komponуя и сопоставляя иногда достаточно свободные переводы, сумел провести через цензуру злободневные издания. Однако цензура тоже не дремала. Вычеркивались даже римские авторы, поскольку они были республиканцами. Вскоре журнал был закрыт. Последовало несколько лет молчания.

С ВОШЕСТВИЕМ на престол Александра I (1801 год) Карамзин возобновил деятельность журналиста, и опять он выступил как новатор. Время было либеральное. Александр I провозгласил начало эпохи реформ. А фактически управлявший страной интимный круг друзей императора сами участники не без кокетства называли «Комитетом общественного спасения», забавляясь параллелью с Робеспьером. Либерализм сделался признаком лояльности — Карамзин стал консерватором. Взгляды его изменились с годами и историческим опытом. Но чувство независимости и стремление идти по проторенным дорогам остались те-

ми же. Карамзин создал первый в России оригинальный политический журнал — «Вестник Европы». В журнале были опубликованы важные художественные произведения: «Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь», «Марфа-посадница». Однако главенствовала в журнале политика. Карамзин мог притворяться дилетантом. На самом деле он признавал лишь хорошую, высокопрофессиональную работу. «Вестник Европы» привлекал современников не только содержанием материалов, но и высокой профессиональностью издания. Еще два десятка лет спустя после «Вестника Европы» издатель А. Е. Измайлов, задержав на Масленой выход журнала, извинялся перед читателями следующими стишками:

Как русский человек
На Масленой гулял,
Забыв жену, детей,
Не только что журнал.

Карамзин же утвердил как закон точные даты выхода номеров журнала два раза в месяц. «Марфу-посадницу» он писал, когда в соседней комнате стоял гроб его скончавшейся в родах первой жены, — журнал не должен был опаздывать.

Новый тип издания был завоеван.

Словесность плюс коммерция

Размышления
в юбилей
Карамзина

И Карамзин, уже немолодой человек, оставил завоеванное поприще, уступил журнал продолжателям и начал новый труд. Он стал историком. Опять все сначала. Снова огромная черновая работа, годы труда, насмешливые и недоверчивые улыбки современников — последняя победа пришла после смерти: двенадцатый том выходил уже как памятник героическому труду его автора.

Карамзин заложил для русской литературы некие основные принципы. Первым из них была независимость. Карамзин отстаивал свою независимость и от давления со стороны правительства, и от пылких нападок «юных либералистов» — декабристов и Пушкина. Ученик Новикова, прошедший в его суровой школе науку популяризации, воспринявший вкус к проповеди просвещения, Карамзин на всю жизнь сохранил опыт новиковского просветительства. В 1802 году в статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России» (характерно резкое соединение, казалось бы, противоположных понятий «любовь» и «торговля») Карамзин писал, что до Новикова «расходилось московских газет не более 600 экземпляров; г. Новиков сделал их гораздо богаче содержанием, прибавил к политическим разные другие статьи и, наконец, издавал при «Ведомостях» безденежно «Детское чтение», которое новостью своего предмета и разнообразием материи, несмотря на ученический перевод многих пис, нравилось публике. Число пренумерантов ежегодно умножалось и лет через десять дошло до 4000». Карамзин разошелся с Новиковым и его масонскими соратниками. Он не разделял мистических увлечений и возлагал надежды не на моралистическую литературу и суровые этические наставления, а на красоту, вкус и художественное воспитание. Цель была та же: очищение души человека, приобщение его к идеалам добра и гуманности. Но путь этот, по мнению Карамзина в 1790-е годы, шел через интересную книгу, изящное стихотворение. Карамзин возлагал надежды не на проповедь, а на романы. И то, что Пушкин в 1820-е годы мог создать образ поэтичной и высококрасивой героини, которой

...рано нравились романы,
Они ей заменяли все

— было оправданием издательской тактики Карамзина.

КАКИЕ уроки может извлечь современность из опыта Карамзина?

В последней трети XVIII века Россия переживала подъем книгоиздательской деятельности. Книжки раскупались быстро и впервые в России начали приносить доход. Появилась литература, которая быстро расходилась, печатать стало выгодно. Эта массовая литература приносила бесспорную пользу. Но все же стимулы, которые двигали многочисленными издателями, были в значительной степени финансовыми. Наряду с хорошими, ценными книгами появился поток изданий, стремившихся эксплуатировать читательский спрос. Количество читателей быстро росло, книг не хватало, литература сливалась с коммерцией. Большие семейные библиотек

лиотеки начали возникать не только в дворянских домах. Тот, кто листал книги XVIII века, читал на них владельческие надписи купцов и меценатов, а жирные, запачканные углы страниц многочисленных романов лучше всего свидетельствуют о читательском голоде: книгу передавали из рук в руки. Некоторые книги — дешевые и трюфельные, с точки зрения XVIII века, такие, как «Повесть об английском милорде» Матвея Комарова и пресловутый «Мартын Задека», который лежал под подушкой у пушкинской Татьяны, — сделались библиографическими редкостями и приобрели величайшую ценность именно потому, что были «зачитаны» массовым, для той эпохи, читателем. Необходимо было поднять книгоиздательское дело до уровня высокой культуры.

Пионером в этом деле выступил Новиков. Но подлинный переворот произвел Карамзин. Антифеизм «хорошая книга — доходная книга», «просвещение — коммерция» они противопоставили соединению: «хорошая и доходная», «высококультурная и коммерческая». Аристократическая традиция XVIII века утверждала, что рассматривать книгу как источник заработка постыдно. Гонорары выплачивались переводчикам, но не авторам. Считалось, что гонорар унижает, оплачивать ремесленный труд естественно, но творческий — оскорбительно. Только с опорой на традицию Новикова — Карамзина Пушкин мог дерзко написать:

На это снамут мне
с улыбною неверной:
Смотрите, вы поэт уклонный,
лицемерный,
Вы нас морочите —
вам слава не нужна,
Смешной и суетной вам кажется она;
Зачем же пишете? — Я? для себя.
— За что же
Печатаете вы? — Для денег.
— Ах, мой божь!
Как стыдно! — Почему ж?

Карамзин продемонстрировал органическое соединение литературы как искусства, гражданского подвига и коммерческой профессии. Первое определяло цель, второе — средство. Более того, книжная коммерция означала независимость — культура выходила из-под государственного контроля. Деньги как нечто низменное, недостойное поэта приобретали новый смысл:

Наш век — торгаши;
В сей век железный
Без денег
и свободы нет.

Пушкинские стихи прямо ведут нас к современности.

Эпоха государственной книги теперь кончилась. С этим связаны три коренных изменения: первое — книга была под государственным контролем. Государство могло издавать книги, которые не покупались, и задерживать книги, которые ждал читатель. Государственная монополия, а не читательская потребность определяла списки выходящей литературы. Это — отрицательная сторона. Второе — книга была дешевой, никто не предъявлял к ней критериев окупаемости или по крайней мере не делал их главенствующими. Дешевая цена и большие тиражи делали книгу доступной, и это была положительная сторона. В случае убыточных изданий издательство компенсировало их дотациями. Третье — государственная зависимость не всегда была негативной чертой: многотомные академические издания, редкие памятники культуры почти никогда не приносят доходов. Они меряются другими критериями. Чернышевский в свое время писал, что если от каждой книги требовать дохода, то астрономические справочники не будут изданы никогда. Надо осознать: книгоиздательское дело — честь национальной культуры. Оно должно гармонически сочетать частные издания с изданиями государственными. Нельзя памятники национальной культуры или же такие издания, как «Литературные памятники», выносить на произвол рынка. Но нельзя и игнорировать то, что книга — товар и должна контролироваться потребителем. Итак, словесность и торговля как союзники. А кто враги?

Мы пережили период книжного голода. Пищевые и промышленные товары почти исчезли, но книжные прилавки не пустуют, и, главное, книги находят покупателей. Даже нынешняя, чудовищно дорогая книга не залеживается на прилавке. Это имеет свою опасную сторону. Так, в 1930 году два крупных исследователя Сергей Ессен и Анатолий Предтеченский задумали издать интересный источник — знаменитое сочинение маркиза де Кустина, описавшего свое посещение николаевской России. Покойный Анатолий Васильевич, зная которого лично я имел счастье, рассказывал мне о том, через какие издательские барьеры приходилось проводить эту книгу. В результате русское издание было сокращено более чем на три четверти и многое ценное было утрачено. Сами издатели называли свой труд изуродованным, но не могли об этом печатно сообщить читателю. Обязательства переменялись. И вот теперь издательство «Терра» переиздает издание 1930 года без дополнений и изменений не потому, что ему мешают цензурные или какие-либо другие подобные условия, а потому, что надо «делать деньги» и как можно быстрее, проще и дешевле для себя.

Как с этим бороться? Не запретами, а конкуренцией, созданием профессиональных, квалифицированных издательств по традиции Новикова и Карамзина. И тут поможет одна карамзинская традиция: Карамзин был основоположником систематической книжной критики. Он давал в руки читателю объективную, квалифицированную оценку книг, где единственным критерием были интересы культуры. Такой журнал необходим. Он должен быть возглавлен объективными, авторитетными деятелями культуры, чье суждение — моральный суд для книгоиздателей. Это — вновь по традиции Карамзина — внесет в издательское дело квалифицированную здоровую конкуренцию. Как и в конце XVIII века, у нас накопился запас издательской культуры. Имя Карамзина подскажет нам, как его использовать.